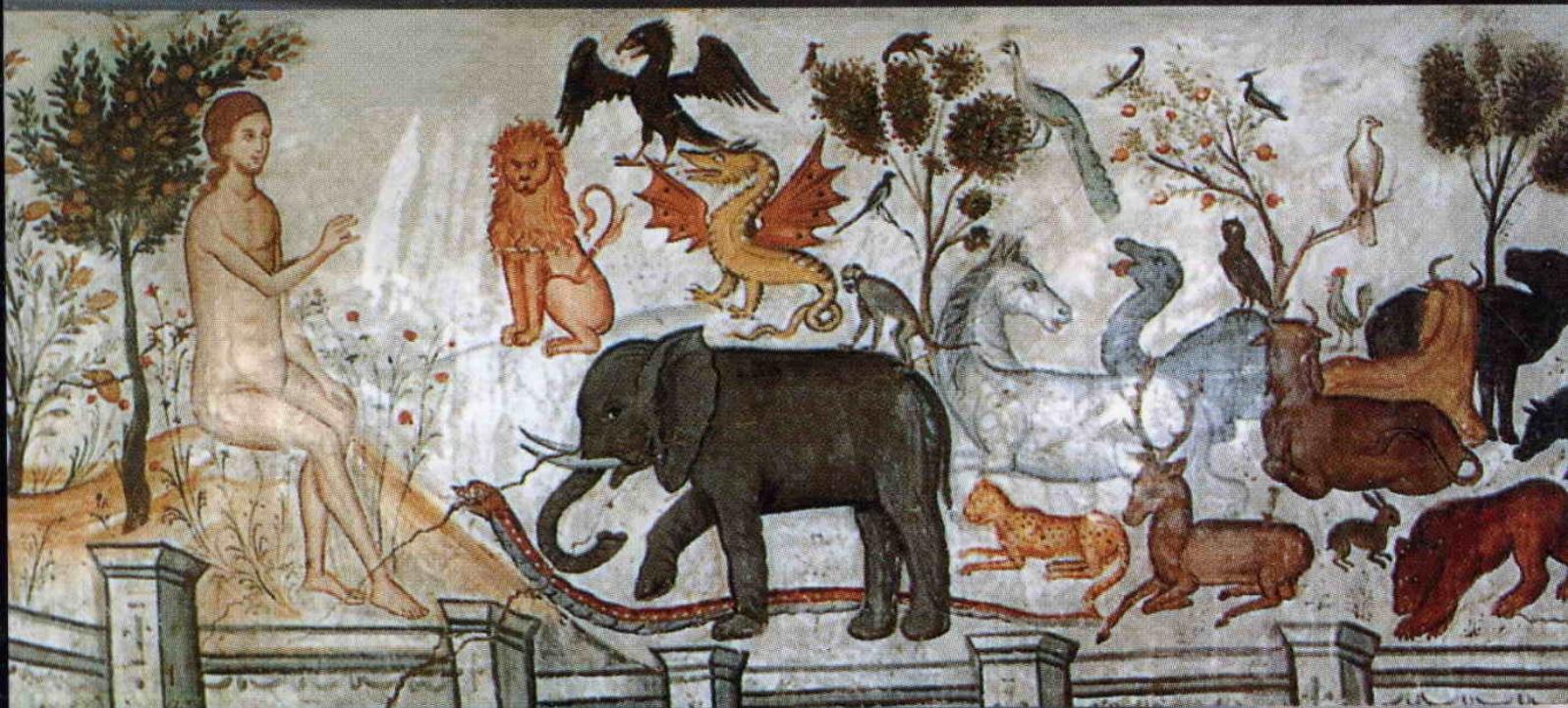

Олеся
Николаева

АПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА

ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ

Олеся Николаева

**Апология человека.
Избранные стихи**

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2003

ББК 82(2Рос=Рус)6

Николаева О. А.

Апология человека. Избранные стихи / О. А. Николаева —
«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой
Лавры Русской Православной Церкви», 2003

ISBN 978-5-7789-0161-5

Олеся Николаева — один из ведущих современных поэтов России и один из немногих авторов с ярко выраженным православным мироощущением. В Биографическом словаре «Русские писатели XX века» о ней сказано: «Христианская просвещенность, представления об эстетической убедительности Православия и церковной жизни в значительной мере определили своеобразие стиля Николаевой, причем тематика и поэтика ее стихов и прозы 80–90-х гг. связаны с сознательным и деятельным отстаиванием христианских ценностей в обществе; в ее творчестве естественно растворено религиозное сознание». О. Николаева — лауреат Пушкинской премии-стипендии Альфреда Топфера (Германия, 1997) и поэтической премии имени Бориса Пастернака (Россия, 2002). Она автор шести поэтических сборников, двух прозаических. В издательстве Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры выходили ее книги богословско-философских эссе «Современная культура и Православие» (1999), «Православие и свобода» (2002).

ББК 82(2Рос=Рус)6

© Николаева О. А., 2003

ISBN 978-5-7789-0161-5

© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2003

Содержание

Предисловие	6
Августин	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Олеся Николаева
Апология человека. Избранные стихи
По благословению епископа Тираспольского и Дубоссарского Юстиниана

Предисловие

У христианской поэзии множество трудностей. Как ей остаться искусством и не пожертвовать своим идеализмом, своим пафосом? Как ей произносить свое исповедание веры и при этом сохранить ту недоговоренность и тайну, без которых и лирика-то не существует? Мы, читатели, являемся свидетелями уже многих неудач на этом пути. Я не говорю сейчас о второсортных литературных поделках, но ведь существует достаточно широко распространенная так называемая «литература добрых намерений», или, как именовал ее Пушкин, «приходская литература» – не претендующая на художественную ценность, стремящаяся к поучительности и доходчивости, к тому, чтобы вразумить или растрогать. Слов нет, подобные книжки нужны – самый, как принято говорить, «элитарный» читатель многим им обязан – зачастую его жизнь в Церкви начиналась именно с них. Но вот поэзия, искусство в точном смысле этого слова?.. Могут ли они «вместить» содержание, которое больше их? Может ли выдержать художественная форма этот внутренний напор огромной – больше всего мира – идеи?

Мне потому и по сердцу поэзия Олеси Николаевой – она вся в борьбе, в усилении, в труде. И автор, почти постоянно (во всяком случае, в самых сильных своих текстах) на наших глазах стремящийся преодолеть себя, – ослабевающий, падающий, негодующий на свою слабость; и стихи, как будто желающие стать чем-то другим, нежели то, что они есть (прозой, даже проповедью!), – и все же остающиеся стихами. О внутренней энергии, то убывающей, то возрастающей, говорят даже метры и ритмы поэзии Николаевой – эта непривычно длинная, с изломом цезуры, как с необходимым вздохом после предпринятого усилия, грузная строка, словно тоже что-то преодолевающая, поднимающая тяжесть:

Вы, лживые мои речи, кичащиеся высотой смысла,
любящие суетные разговоры,
вы, чувства мои испорченные, любви убоявшиеся,
душегубы, воры!
Вы, древляне, будете перебиты, похоронены заживо,
выжжены, подобно заразе...
...Богомудрая Ольга берет за дело, хороня любимого
князя.

Эта тяжесть собственного «я», да еще творческого, то есть наделенного всей силой самопознания! Как трудно творческому человеку с самим собой! Поэзия Олеси Николаевой главным образом ведь именно об этом и говорит, это ее центральная, стержневая тема. Что же (или кто же) поможет поэту? Ведь его постоянно подстерегает опасность в миллионный раз пойти по пути, давно исхоженному мировым искусством, погрузиться в свою неисчерпаемую внутреннюю сложность, предпочесть себя, свои страдания, душевные противоречия и внутренние богатства всему, что его окружает, – одним словом, предпочесть себя всему миру. И какие великие имена встретим мы на этом пути!

Я ни с кем не собираюсь сравнивать Олесю Николаеву, скажу только: от подобного романтического одиночества и противостояния всему на свете спасает именно то, что и делает ее поэзию религиозной, – любовь. Быть может, отчетливей и сильнее всего запечатлеваются в памяти герои ее «сюжетных» вещей, поэтических новелл: соседка Марья Сергеевна, грубая и некрасивая, запомнившаяся с детства, потому что первая заговорила с ребенком о Боге; слабоумный мальчик Петя – о таких, как он, чудно говорил Андерсен: это слабые растения, которые расцветут в Божием саду; убогий Сережа из «ремеслухи»; тетя Алла с ее нелепой жизнью, с «грошовой тризной», которую по ней справляют. И авторское чувство к подобным героям так

сильно, так скорбно и, добавлю, так трудно – ведь причиняет же оно какую-то боль читателю, пусть мимолетную! А как иначе, обезболенно, прочесть, например, следующее:

Знаешь, папа! Когда умирает отец, лишь равнина
остается в заступниках и конфидентах. Всю ночь
утешает меня, одаряя, как блудного сына...
Укоряет, как блудную дочь.

Но этот результат, которого достигает Олеся Николаева, теребя и мучая своего читателя, – не единственный. Известно, что сюжетность противопоставлена лирике (один очень большой поэт говорил даже, что это – два разнородных начала, соединение которых приносит отвратительные плоды. Правда, он сам в конце своей жизни стал писать именно сюжетные вещи – едва ли не наиболее сильное из всего им созданного). Олеся Николаева с напором, с энергией, бесстрашно делает прививку сюжета к лирическому стволу. И что же? Результаты налицо:

В галантерейную роскошь даров промтоварных
нас одевала она – некрасивых, бездарных,
бездерзновенных, смотрящих темно и устало,
словно на праздник готовила нас, выпускала,
словно на пир, где нельзя быть иначе одетым,
чем в эту радость нарядную – с небом и светом!..
Может, в Твоих мастерских белошвейных небесных
много есть белых хитонов, нарядов воскресных,
много целебных покровов, спасительных нитей
есть для нее среди высоких Твоих общежитий!

Книга начинается небольшой поэмой «Августин» и заканчивается то ли философской поэмой в прозе, то ли лирическим трактатом «Апология человека» – произведениями, которые ясно показывают, как решительно Олеся Николаева подходит к самым границам возможного, привычного в лирике. Ход повествования в «Августине» – сложный, двуслойный, разом вводящий читателя и в историю тайного монашеского жития в горах Кавказа, и в историю юного бродяжки, жулика, присвоившего чужое имя. Сложность увеличивается за счет того, что повествование прерывается, словно делясь на доли: в него вторгается неведомый голос, самый авторитетный для автора, голос того, «кто поручил мне Августина». Эти вторжения задают всему рассказу не только особенный ритм, но и глубину и высоту: ведь неизвестный собеседник постоянно говорит о том важнейшем, что соединяет людей, делает не чужими друг другу и Августина, и кавказских отшельников, и автора, и вообще – всех и вся. Та же нота слышна в «Апологии человека» (благодаря этому складывается своего рода рамочная композиция сборника). Казалось бы, антропологическое рассуждение, построенное (как и подобает трактату) тезисно, исследующее доказательно и логически всю внутреннюю структуру человека, все противоречия личности и ее отклонения от первоначального Замысла о ней. Но вместе с тем, это – и самая горячая исповедь, рассказ о себе и о других, о том, что всех нас объединяет в Адаме, делает родными.

Я бы сказала так: борясь с материалом, отвергая отработанное и общепринятое, Олеся Николаева поступает так же, как поступает с самой собой, со своей натурой, характером, на которые негодует, кривизны которых обличает, к которым даже применяет силу. Как тут не увидеть общность, сходство между искусством и действительностью? Ни поэзия (если только это настоящая поэзия), ни жизнь христианская не терпят механистичности, штампованных

повторов, заученных приемов. И здесь, и там должен быть риск выбора и ответственности, самовоспитания и – если надо – самоотказа:

Я – богатый юноша, и мне жалко
расставаться с сабелькой из Эфеса,
и с камзолом бархатным с алой лентой,
и с пером на шляпе, и с крепким перстнем...
С этой гордой складкой у губ, с повадкой
молодого рыцаря, и с посадкой
верховой, с пружинистой походкой,
с подбородком, выплывшим легкой лодкой.

Уже в такой четкости формулировок – бескомпромиссность взгляда на себя самое, залог дальнейшей борьбы с собой.

Впрочем, такая брань, такие проявления сильного (и поэтического, и человеческого) характера не потрясают и не разрушают общих контуров мира, возникающих в ее книге, – ведь у этого мира есть Центр и Источник. Поэтому все тут, кроме бьющегося над собой человека, – скорбящего, страдающего, переменчивого, обидимого и обижающего, – устойчиво, добротнo, прекрасно. А если посмотреть и на человека глазами любви – то все вообще соберется в изумительную картину, о которой иначе не скажешь, как «все добро зело»!

Недаром ведь и сборник называется не как-нибудь, а «Апология человека».

Елена Степанян

Августин Роман в стихах

*– ...А волосы у меня были, – продолжал он,
отхлебывая чай из блюдца, —
вот до сих... —*

И он бил себя по пояснице.

*– Однажды, когда я оступился и летел
в пропасть,*

они зацепились, запутавшись, за колючку.

Так я и выбрался невредимым.

...В восемь лет он был увезен матерью в горы,
где пострижен в мантию с именем Августин
отшельником-старцем.

После смерти матери и блаженного старца
спустился возле Сухуми.

На деньги тайных монашек, живших при церкви,
приехал в Лавру.

Там его не приняли без документов.

Он подался в Печоры.

Ему сказали: если бы у него был паспорт,

его бы взяли на послушанье,

а так – и нечего думать.

– Если они займутся выяснением, кто я,

они потребуют показать, где жил я:

вызовут свидетелей, заведут дело...

А это значит – показать им тропы,

указать Верхнюю и Нижнюю Пустынь,

выдать старцев.

Многие там живут без паспорта, нелегально, —

власти дорого бы заплатили,

чтоб до них добраться.

**...Тот, кто поручил мне Августина,
говорил: каждое действие
определяется не точкой его приложенья,
а тем, во имя чего оно совершалось.**

– А если сказать – жил отшельником,

никого там нету,

ничего не видел и – в полную несознанку?..

У меня сидел врач-психиатр —

друг моего детства,

писатель-детективист с юридическим образованием
и отец Антоний – священник из Подмосковья.

– Тогда его пребывание в психбольнице
затянется на неопределенное время:
на нем будут защищать диссертации,
делать карьеры;
целые отделы за него будут получать зарплату.
Материал-то какой богатый,
какой чистый случай:
человек, выросший вне цивилизации,
маугли по-советски!

**...Тот, кто поручил мне Августина,
говорил: доброе дело
определяется не его содержанием,
а свидетельством славы Божьей.**

*– Были у нас улейки – тридцать штук,
две коровки – они там маленькие, почти как
козы,
были яблони, груши, смоковница, кукуруза.
Были грядки с морковкой...
От грызунов и от хищных птиц
их охраняли кошки.
А вот с греками, которые считали себя
хозяевами этой земли, не было сладу:
они то и дело захаживали за obroком
и очень жестоко нас обирали,
иногда – подчистую.*

С документами была неразрешимая сложность.
Августину было уже двадцать лет, и ему грозило:
а) статья за нарушение паспортного режима;
б) статья за уклонение от воинской службы;
в) статья за бродяжничество.

К тому же:

– Его будут прокручивать по каждому
нераскрытому уголовному делу,
имевшему место на всем Кавказе,
а для местных властей соблазнительно освободиться
кое от каких нерасследованных преступлений.
Горы – такой случай: ни алиби, ни свидетельств,
каждый подозрителен, каждый берется на мушку.
К тому же у юноши, кажется, нет родни,—
предположительно, что не будет ходатайств и
апелляций.

– А в дереве – там каждый бук в шестнадцать

*обхватов —
была выдолблена у меня келья,
по примеру первых горных монахов.
Что я делал зимой? Ну, во-первых, катал свечи.
Во-вторых, варил ладан, глядел на небо.
Благовонный дым долго лежал в ущельях.
Мой духовный отец – новоафонский старец, —
когда монастырь его разогнали,
долго шел через горы —
больше двухсот километров,
и так несколько раз,
пока не перенес в эту Пустынь
архиерейское золотое кадило,
Евангелие в драгоценной ризе,
Богослужебные книги,
кресты, мощевик, иконы.
Там он построил небольшую часовню,
в которой мы и молились.*

**...Тот, кто поручил мне Августина,
говорил: только личный подвиг
определяет духовность жизни.**

– К тому же, если он сдастся на милость
властей,
его тут же
приведут к военной присяге,
а ему как монаху,
по Постановлению одного из Соборов, —
не помню, простите, какого —
держать оружие запрещается, —
так как быть с этим?

– А осенью начинались ливни.
Они шли с вечера до утра и с утра до ночи,
и, казалось, ничего не высохнет там вовеки —
все к земле прибьется, втопчется в землю.
Ближе к зиме монахи из Верхней Пустыни
чуть-чуть спускались
и оказывались около Нижней Пустыни —
совсем близко.
Иногда мы ходили к ним —
особенно, если что-нибудь нужно:
соль, спички...
Там был один такой замечательный —
отец Авель.
Им же оттуда было удобней спускаться
к Сухумской церкви.

**...Тот, кто поручил мне Августина,
говорил: только по чистоте жизни**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.